

вания 01.07.2020) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.09.2022).

4. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.09.2022).

5. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.09.2022).

6. Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.09.2022).

7. Виноградов В. А. Основание конституционно-правовой ответственности. – URL: <https://constitution.garant.ru/science-work/modern/4067918/chapter/796e1d58fd543ceadd01f1a7ff94766/> (дата обращения: 19.09.2022).

8. Конституционное право Российской Федерации / Алжеев И. А., Влащенко И. Б., Догадайло Е. Ю. [и др.]. М. : Статут, 2014. 188 с.

9. Игнатюк Н. А., Павлушкин А. В. Конституционное право в РФ : учеб. М. : Юстицинформ, 2017. 313 с.

УДК 93/94

Коровянский Геннадий Георгиевич,

кандидат исторических наук, преподаватель, Военная академия радиационной, химической и биологической защиты

имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко, г. Кострома

alla.kor54@mail.ru

Korovyansky Gennady Georgievich,

candidate of historical sciences, lecturer, Military academy of radiation, chemical and biological protection

named after Marshal of the Soviet Union S. K. Timoshenko, Kostroma

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЙНЫ: СУЩНОСТЬ И ТЕХНОЛОГИИ

MODERN WARS: ESSENCE AND TECHNOLOGIES

Гибридные войны вовсе не отменяют фундаментальные причины, природу, цели традиционных войн. Сутью войн и новейших вооруженных конфликтов, как и прежде, остается борьба за власть, их «творцами» и «драйверами» являются политические элиты государств, а сама война остается продолжением политики, государство остается ее субъек-

том, и она носит кровавый характер. Вместе с тем для современных войн характерны такие черты, как участие негосударственных акторов, наемничество, приватизация насилия, этнические и религиозные противоречия, сочетание новейших и самых архаичных средств противоборства. На наш взгляд вероятность классической войны против России невелика, однако стремление США любой ценой сохранить мировой порядок, отвечающий американским интересам, толкает радикальные силы к использованию против несогласных новых форм и средств, которые выходят за рамки традиционного облика войны.

Hybrid wars do not at all negate the fundamental causes, nature, and goals of traditional wars. The essence of wars and the latest armed conflicts, as before, remains the struggle for power, their “creators” and “drivers” are the political elites of states, and the war itself remains a continuation of politics, the state remains its subject, and it has a bloody character. At the same time, modern wars are characterized by such features as the participation of non-State actors, mercenary activity, the privatization of violence, ethnic and religious contradictions, a combination of the newest and most archaic means of confrontation. In our opinion, the probability of a classic war against Russia is low, but the desire of the United States to preserve the world order that meets American interests at any cost pushes radical forces to use new forms and means against dissenters that go beyond the traditional appearance of war.

Актор, доминирование, гибридная война, сетевая война, информационная война, ментальная война, когнитивная война, Россия, Украина.

Actor, dominance, hybrid war, network war, information war, mental war, cognitive war, Russia, Ukraine.

Если в течение всей предшествующей истории человечества главным инструментом политики считалась вооруженная мощь, то в нынешних условиях наряду с ней все более растущее значение приобретают иные формы, методы и средства.

Все большую значимость приобретают такие составляющие так называемой мягкой силы, как экономические, санкционные, имиджевые, электронные, пропагандистские и иные средства и методы идеолого-информационно-культурного доминирования. На этом фоне в последние годы в военно-политический лексикон стремительно вошло понятие: «гибридная война». Оно постепенно утвердилось в научной и публицистической литературе, в средствах массовой информации. Несмотря на весьма недолгий период его использования, появился целый ряд работ, посвященных данной проблематике. К их числу относится вышедшая в конце 2015 г. первая в России фундаментальная монография «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века», выполненная коллективом авторов факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством известного специалиста по теории международных отношений, заслуженного деятеля науки РФ профессора П. А. Цыганкова [1]. По мнению авторов, проблематика «гибридных войн» касается не только «материальных» реалий мировой политики, связанных с развязанной на наших границах гражданской войной в Украине, но и сферы «идеального», где особенно показательны попытки переписать историю, обелить и даже героизировать нацизм и закрепить в массовом сознании идею о «генетической» агрессивности нашей страны, которая будто бы ведет «гибридную войну» в Украине.

Начальник Генерального штаба ВС РФ генерал В. В. Герасимов в 2013 г. внес свой вклад в развитие данной темы в статье о нелинейной войне. Статья представляла собой взгляд российской военной мысли на современные методы ведения войны. В статье подвергалось критике применение Западом методов политического противоборства и скрытых операций, направленных на смену режимов в таких странах, как Ливия и Сирия. На мой взгляд, автор не задавался целью изложить некую собственную доктрину, он, напротив, стремился объяснить, почему Запад настолько преуспел в использовании невоенных методов воздействия на противника, а не только в применении обычных вооружений.

По мнению автора, гибридные войны вовсе не отменяют фундаментальные причины, природу, цели традиционных войн. Сутью войн и новейших вооруженных конфликтов, как и прежде, остается борьба за власть, их «творцами» и «драйверами» являются политические элиты государств, а сама война остается продолжением политики, государство остается ее субъектом, и она носит кровавый характер.

Вместе с тем для современных конфликтов характерны такие черты, как участие негосударственных акторов, наемничество, приватизация насилия, этнические и религиозные противоречия, сочетание новейших и самых архаичных средств противоборства. На наш взгляд вероятность классической войны против России невелика, однако стремление США любой ценой сохранить мировой порядок, отвечающий американским интересам, толкает радикальные силы к использованию против несогласных новых форм и средств, которые выйдут за рамки традиционного облика войны.

Важная роль при этом отводится методам, сочетающим поддержку существующих вооруженных конфликтов, идеологическую агрессию, экономические санкции, попытки политической изоляции с поиском новых внутривнутриполитических уязвимостей, применением передовых информационных технологий, давлением на союзников и «третьи страны». «Гибридные войны» становятся реальностью, которую трудно отрицать, и которая требует изучения их сути и возможностей противодействия им в отстаивании национальных интересов России.

Через анализ меняющегося облика современных войн, релевантности идей К. Клаузевица в интерпретации современных войн и характерных черт феномена «новых войн», изложенных в ряде современных исследований [2, с. 220; 3, с. 3; 4, с. 13; 5, с. 10; 6, с. 25; 7, с. 14] можно прийти к выводу, что война и в XXI веке остается актом насилия. Меняющийся характер структуры насилия неминуемо влечет за собой изменение сущности войны, которое обусловлено глобальными политическими, социальными, экономическими, культурологическими, этническими и религиозными факторами и явлениями.

В чем это проявляется?

Во-первых, поскольку ряд государств для решения возникших проблем в международных отношениях широко используют услуги частных военных компаний (феномен наемничества), действующие формальные нормы международного права не совпадают с реальной практикой этих вооруженных конфликтов, расшатывают механизмы регулирования международных отношений и порождают правовой нигилизм в политике.

Во-вторых, активно политизируется идея этнической идентичности, как идея «разрыва с империей» и украинский этнонационализм, метод деконструкции в изучении «войн за идентичность».

В-третьих, в глобальной гибридной войне следует различать два явления: «археологическую войну» (сознательное уничтожение памятников истории и культуры) и десакрализацию пророков и основных постулатов мировых религий, которые способствуют осуществлению преступных социальных и политических практик, включая неконсциентальную войну, и приводят к переформатированию этнической и национальной самоидентификации и переписыванию истории этноса или нации, а также всего человечества.

В-четвертых, война становится инструментом реализации стратегии «управляемого хаоса». В этом контексте логичным представляется постановка вопроса о технологии «цветных революций» в современных проявлениях «гибридных войн» [2, с. 221]. По мнению авторов, «гибридная война» является собой не только мощную и сложную разновидность ведения наступательных действий против внешнего противника, но и предстает разноуровневым, многомерным явлением, включающим в себя симбиоз «мягкой» и «жесткой» силы, а также их комбинацию в виде «умной» силы.

В-пятых, в условиях гибридных войн, требуется пересмотр стратегии собственно военного противоборства. В условиях масштабного использования современных информационно-коммуникационных технологий в ходе противодействия противнику прослеживается тенденция к размыванию «границы между военными и невоенными институтами, проявляющемуся в трансфере технологий, использовании передовых достижений в военном и гражданском секторе последовательно или одновременно» [2, с. 223].

По мнению военного специалиста Е. Э. Месснера, изложенного в работе «Всемирная мятежвойна» [7, с. 21] в такой войне исчезает привычный смысл понятия «фронт», поскольку боевые действия ведутся повсеместно или распределенно. Происходит «изменение значения «войска»: вместо традиционных армейских подразделений – парамилитарные структуры, партизанские и диверсионные формирования и группы саботажа... Война разворачивается в ментальной сфере – как борьба за души людей, что предполагает активные манипуляции с символами и образами».

Таким образом, особенность «гибридных войн» по сравнению с традиционными состоит в том, что здесь применяется весь спектр доступных военных и невоенных форм, средств, методов и технологий идеологического, информационного, культурного, экономического, геоэкономического, политического, геополитического и иных проявлений противоборства. Частью «гибридных войн» являются получившие скандальную известность карикатурные провокации – эти продукты безграничной свободы слова, служащие по сути дела одним из проявлений пропаганды расизма, ксенофобии и других форм политического и идеологического фундаментализма, мало чем отличающегося от радикального исламизма. Их проявлением можно считать развернувшиеся в процессе подготовки к Зимней олимпиаде в Сочи 2014 г. широкомасштабные попытки ее дис-

кредитации и отмены, а также так называемая антидопинговая кампания против России в ее политизированной версии зимой–летом 2016 г., а также кампанию за отмену чемпионата мира по футболу в России в 2018 г. Разумеется, так называемых зеленых человечков, которые сыграли немаловажную роль в весьма успешно проведенной операции по воссоединению Крыма и России, также можно считать инструментами «гибридной войны».

В настоящее время перечень можно продолжить таким примерами как акции Запада в отношении запрета «Северного потока-2», игнорирования законности избрания президентом Белоруссии А. Г. Лукашенко и другими, но для понимания сути происходящих трансформаций в этом нет особой необходимости.

В войне классического типа все более или менее ясно: кто свой, и кто враг, кто наступает, а кто обороняется, кто одержал победу, а кто потерпел поражение, какие именно силы стоят за каждой из воюющих сторон. Иное дело – «гибридная война». В ней нет очевидных фронтов и строго очерченного круга участников, нет линии фронта, поскольку таковая пролегает повсеместно, в результате чего оказывается призрачной. Гибридизация размывает линии разграничения между войной и миром, между внутренними и внешними угрозами национальной безопасности, между государственным переворотом и революцией, между дозволенными и недозволенными формами борьбы, между защитниками и разрушителями международного права.

В условиях обострившегося противостояния России и современного Запада ряд зарубежных и отечественных исследователей выдвинули новую, на их взгляд более отвечающую реалиям современного времени, концепцию «сетевых войн» [8, с. 84]. Значительный вклад в разработку этой концепции был внесен Управлением реформирования ВС США под руководством вице-адмирала Артура Цебровски. Новая технология активно апробировалась во время боевых действий в Югославии, Афганистане и Ираке. В несколько более мягком формате она применялась во время вооруженного конфликта в Южной Осетии.

Основная установка перехода к сетевому принципу управления заключается в распространении его помимо собственной иерархии подчиненных на категории нейтральных сил и силы противника. Конечная цель – установление тотального манипуляционного контроля над всеми субъектами нового военного противостояния. Речь, другими словами, идет об установлении мирового господства.

В отличие от рассматриваемых выше подходов в гибридных (информационных и других типах) войн под управленческий контроль берутся не сами субъекты, а их мотивации. Собственно, боевые операции с традиционными для прежних эпох вводом войск и оккупаций территорий теряют актуальность. Все решаемые посредством их задачи могут быть достигнуты теперь в ином несиловом формате. «Цель сетевых войн, пишет А. Г. Дугин, – абсолютный контроль над всеми участниками исторического процесса в мировом масштабе» [9, с. 21].

Сетевые войны подразделяются в теории сетевых конфликтов на четыре смежные сферы бытия – физическую, информационную, когнитивную (рассудочную) и социальную.

При этом осуществляется сознательная интеграция всех четырех областей ведения сетевой войны, в результате чего и происходит формирование сети. Достижимая синергия резко повышает эффект воздействия (в том числе, и собственно боевого) на противника, а в отношении союзников и нейтральных государств формирует управляемую модель поведения.

Физическая область – традиционная сфера ведения войны, понимаемая как физическое столкновение боевых единиц во времени и пространстве. В информационную эпоху физический аспект стоит рассматривать как предельную форму применения сетевых технологий, основная часть которых сосредоточена в трех других областях сетевых войн, проецирующих свой эффект в физическую плоскость.

Информационная область – сфера создания, обработки и распределения информации, имеющей системообразующее значение, поскольку связывает все аспекты ведения сетевых войн. Преимущества или недостатки той или иной противоборствующей стороны в информационной области представляют стратегическое преимущество в войне более подготовленной в этом отношении стороне.

Когнитивная область – сознание индивидуума, вовлеченного в той или иной степени в сетевую войну. Именно сознание человека является основным объектом сетевого воздействия и влияние на него в своих интересах (навязывание своей модели мышления) имеет фундаментальное значение для победы в войне нового типа.

Социальная область – поле взаимодействия людей. Общественных институтов. Социальных групп любого типа – является контекстом ведения сетевых войн, который необходимо тщательнейшим образом принимать во внимание, а процессы в социальной области необходимо гибко направлять в желательное русло для нейтрализации возможного противодействия устойчивых социальных институтов (религиозных, этнических и прочих объединений) и направления их интегрирующего потенциала в свою пользу.

На наш взгляд, в зависимости от выделения на первый план того или иного аспектов сетевых войн, можно рассматривать войны двух типов: обычные (традиционные) и сетевые. В свою очередь, среди сетевых войн выделяются: гибридные, информационные, ментальные, когнитивные. Для нас наибольший интерес представляют такие типы новых войн, как ментальная и когнитивная.

Ментальные войны – борьба за формирование массового и индивидуального сознания, современный этап развития информационных войн, основа современной социальной инженерии и, соответственно, основная современная форма глобальной конкуренции [10, с. 22].

В отличие от классических информационных войн, ментальные ведутся не столько за формирование той или иной картины мира, сколько прежде всего за формирование того или иного метода его восприятия, за формирование типа мышления и способа восприятия информации. Как и обычные, ментальные войны требуют специфических институтов и реорганизации не только их непосредственных участников, но и всего общества в целом (так как оно является объектом этих войн и пространством их ведения).

Как минимум органы госуправления должны иметь соответствующие структуры с всеобъемлющими полномочиями, определяющими не только темы информационной, но и ее дизайн (формат), так как форма подачи информации не менее важна для ее эффективности, чем ее содержание.

Д. А. Дугина (погибла в августе 2022 г. в результате теракта) и ряд других исследователей считают, что в «сетевых войнах» наибольшее значение имеет когнитивно-психологическая составляющая [11, с. 23].

Но при этом, упор делается на ментальные карты, то есть на виртуальное пространство, психологию, социологические настроения, мнения, позиции и на контроль над сознанием. И практически, эти два типа войн совпадают по своей содержательной части.

Таким образом, сетевые войны добавляют к классическим несколько новых измерений, которые сейчас активно переосмысливаются.

Советский Союз оказался в свое время совершенно не готов к новому сетевому противостоянию с Западом и ушел с авансцены истории.

Такая же опасность подстерегает и постсоветскую Россию. Задача спасения России предполагает, на наш взгляд, принятие кардинальных мер по выводу страны из системы американского сетевого пространства. Это задача не терпит отлагательства в условиях прямого военного и информационного противоборства между НАТО и Россией на полях сражений в рамках проведения специальной военной операции на Украине.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / под ред. П. А. Цыганкова. М. : Изд-во Московского ун-та, 2015. 381 с.
2. Гаджиев К. С. «Гибридные войны» в современном мире // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 218–223.
3. Волковский Н. А. История информационных войн. Т. 2 (XX век). 2003. СПб. : Полигон. 736 с.
4. Гриняев С. Н. Поле битвы – киберпространство: теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационных войн. М. : Харвест, 2004. 426 с.
5. Мухин А. А. Информационная война в России. М. : Центр политической информации «ГНОМид», 2000. 256 с.
6. Новиков В. К. Информационное оружие – оружие современных и будущих войн. М. : Горячая линия – Телеком, 2013. 264 с.
7. Месснер Е. Э. Всемирная мятежевойна. М. : Кучково поле, 2004. 512 с.
8. Багдасарян В. Е. Матрицы общественного сознания. М. : Наше завтра, 2021. 416 с.
9. Дугин А. Г. Мир охвачен сетевыми войнами. URL: www.noravank.am/ru/?page=analitiks&nid=159-34k (дата обращения: 09.09.2022).
10. Делягин М. Г. Ментальные войны: минимально-необходимый инструментарий // Материалы научно-практической конференции «Армия и общество. Технологии ментальных войн». М. : КВЦ Патриот, 2022. С. 22.

11. Дугина Д. А. (Платонова). Ментальные карты и их роль в сетевых войнах // Материалы научно-практической конференции «Армия и общество. Технологии ментальных войн». М. : КВЦ Патриот, 2022. С. 23–24.

УДК 342.76

Королева Агата Вячеславовна,
студент, Костромской государственной университет, г. Кострома
Korolevaaga@yandex.ru

Koroleva Agata Vyacheslavovna,
student, Kostroma State University, Kostroma

Овчинникова Анна Владиславовна,
студент, Костромской государственной университет, г. Кострома
annaovchinnikova2001@gmail.com

Ovchinnikova Anna Vladislavovna,
student, Kostroma State University, Kostroma

Хрушков Владислав Игоревич,
студент, Костромской государственной университет, г. Кострома
vladislavkhrushkov@yandex.ru

Hrushkov Vladislav Igorevich,
student, Kostroma State University, Kostroma

Григорьева Марина Александровна,
старший преподаватель, Костромской государственной университет,
г. Кострома
m_grigoreva@ksu.edu.ru

Grigorieva Marina Aleksandrovna,
senior lecturer, Kostroma State University, Kostroma

КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19: ОПЫТ И РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

CORPORATE GOVERNANCE IN A PANDEMIC COVID-19: EXPERIENCE AND DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION

Корпоративное управление – это важная составляющая любой корпорации, без которого невозможно ее функционирование. В результате пандемии COVID-19 корпорации столкнулись с такими проблемами как: созыв общего собрания участников или акционеров, которое было невозможно из-за ограничительных мер, а также внедрение дистанционного